

тинкахъ. Оно шевелило длиннѣйшими усами и медленно приближалось ко мнѣ.

Въ ужасѣ я весь затрепеталъ и закричалъ. Но голосъ мой, прежде громкій и звучный, теперь потерялся въ огромной и пустой комнатѣ. Онъ былъ слабъ и тихъ, а потому никто не могъ слышать моего крика. Не слышало меня и черное чудовище. Оно остановилось въ нѣсколькихъ шагахъ, смотрѣло на меня неподвижными, какъ огромныя тарелки, глазами и однимъ усикомъ слегка касалось меня.

Усикъ былъ мягкій и нѣжный, и мнѣ показалось, что чудовище хочетъ погладить меня. Это меня немножко успокоило. И когда оно второй разъ коснулось меня усикомъ, я осмѣлился и схватилъ рукой за самый кончикъ его. Чудовище страшно испугалось и готово было пуститься въ бѣгство.

Тутъ я увидалъ, что неподалеку отъ меня на подушкѣ лежали крошки печенья, и вспомнилъ, что вчера передъ самымъ сномъ я ѣлъ его, лежа въ кровати. Только крошки эти теперь показались мнѣ не мелкими крупинками, а огромными, угловатыми кусками.

«Ужъ не пришло ли это чудовище на запахъ крошекъ—полакомиться ими?»—подумалъ я.

И чтобы испытать это и не пугать животное, я отошелъ отъ нихъ подальше.

Прежде на подушкѣ могла умѣщаться только одна моя голова, а теперь я весь цѣликомъ располагался посрединѣ ея и могъ бѣгать по ней спокойно, какъ по полу; и когда я ходилъ по ней взадъ и впередъ, она не гнулась и не мялась подо мной.

Чудовище спокойно подошло къ крошкѣ, схватило одну изъ нихъ своей ужасной пастью и начало жевать. О, что это была за пасть! Ни зубовъ, ни языка, ничего такого, что есть у другихъ, у него не было. А были какія-то странныя привѣски, мохнатая и колѣнчатая. Онѣ болтались и двигались во всѣ стороны: не то вторые усы, не то щупальца! И жевало чудовище не сверху внизъ, какъ это дѣлаемъ мы и всѣ животныя, а сбоку вбокъ,—точь въ точь, какъ дѣйствуютъ ножницы, когда ими подстригаютъ траву.

Чудовище было занято ѣдой, а я ходилъ кругомъ него и рассматривалъ его со всѣхъ сторонъ. Заглянулъ даже подъ брюхо. Потомъ осмотрѣлъ длинные волосатые усы и длинные же шиповатые ноги. На лапахъ его были огромные крючья, какъ у багра, а на ногахъ—настоящая длинная и жесткая

щетина. Само оно было гладкое, глянцевитое и маслянистое. Крылья покрывали половину спины и лежали, прижавшись къ ней.

Пока оно пожирало мои крошки, я хорошо ознакомился съ нимъ и пересталъ бояться его. Я сообразилъ, что если оно ѣсть хлѣбныя крошки, то не станетъ ѣсть меня. Отъ этой мысли у меня прибавилось храбрости и я сталъ придумывать, какъ бы мнѣ овладѣть этимъ страннымъ, но смирнымъ звѣремъ. На концѣ его брюшка торчали какихъ то два толстыхъ отростка, словно рога, и за одинъ изъ этихъ роговъ я крѣпко ухватился обѣими руками.

Мой звѣрь вздрогнулъ, выпрямился и пустился бѣжать со всѣхъ ногъ. А ногъ-то у него было шесть штукъ. Но я крѣпко держался сзади, и потому вмѣстѣ съ нимъ кубаремъ скатился по одѣялу на полъ. Перевернувшись нѣсколько разъ, онъ опять вскочилъ на ноги и побѣжалъ къ двери, которая вела въ кухню. На минуту онъ вырвался отъ меня. Но я снова успѣлъ схватиться за отростокъ сзади и снова побѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Дверь въ кухню была заперта. Но не успѣлъ я подумать объ этомъ, какъ мы очутились уже въ кухнѣ: очевидно, чудовище вмѣстѣ со мной пробѣжало подъ дверью.

Въ кухнѣ мой звѣрь скоро добрался до какой-то щели и остановился. Я помню эту щель. Она была узкая, но страшное чудовище влѣзло въ нее почти цѣликомъ и только кончикъ брюшка торчалъ немного наружу. Я выпустилъ изъ рукъ отростокъ и, оглядѣвшись,

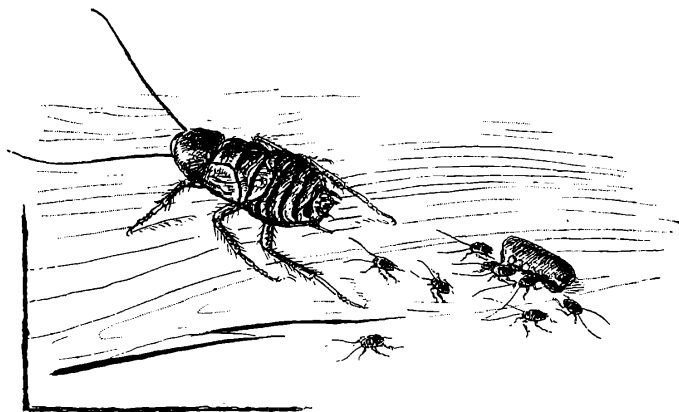

Рис. 1. Черные тараканы.

увидаль, какъ изъ задняго конца брюшка выпаль небольшой мѣшокъ. Но не успѣлъ я взять его въ руки и разсмотрѣть, какъ изъ него стали выползать маленькіе звѣрки, очень похожіе на мое чудовище. (Рис. 1).

— Ба! да вѣдь это настоящіе черные тараканы,—сказаль я себѣ, какъ только увидаль маленькихъ.

Несомнѣнно, мое чудовище былъ самый обыкновенный черный тараканъ. Несомнѣнно, и величина его была обыкновенная, какъ

всегда. И тутъ только я понялъ, что со мной случилось какое-то удивительное превращеніе и что послѣ такого превращенія я сталъ вдвое меньше обыкновеннаго таракана. Былъ человѣкомъ, а сталъ словно букашка.

Сначала мнѣ было очень грустно узнать такую новость. Но я скоро успокоился. Я понялъ, что теперь при своемъ ростѣ я отлично сумѣю войти въ жизнь насѣкомыхъ и познакомиться съ ними во всѣхъ подробностяхъ ихъ жизни.

II.

Я выѣзжаю по воздуху и попадаю подъ землю.

Сталъ я соображать, какъ мнѣ теперь быть и медленно передвигался на своихъ маленькихъ ножкахъ вдоль печки по полу. Вдругъ я вижу, что тутъ же у печки лежитъ и пошевеливается какой-то большой, мохнатый шаръ съ широкими черными и желтыми полосами.

Подойдя ближе, я увидалъ, что это вовсе не шаръ, а новое чудовище, которое совершенно не походило на первое. Правда, у него было тоже шесть ногъ, была голова, усы, замѣтны были грудь и брюшко. Но все это было устроено совершенно иначе.

Теперь я совсѣмъ уже не боялся. Я догадался тотчасъ же, что это—новое насѣкомое. Но я не могъ узнать какое именно

насъкомое, потому, что казалось оно мнѣ чрезвычайно огромнымъ. Крылья у него были прозрачныя, какъ стекло, нѣжныя словно пленочки, съ тонкими и рѣдкими волосками по краямъ. Оно изрѣдка взмахивало ими. При этомъ крылья отливали всѣми цвѣтами радуги. Голова его была украшена странными изогнутыми усами, которые торчали вверхъ на самомъ лбу. Тутъ же помѣщались огромные глаза—совсѣмъ не такіе, какъ у насъ и у четвероногихъ животныхъ. Они блестѣли, и на нихъ замѣтно было много ячеекъ, вродѣ того, какъ у пчелинаго сота. Въ каждой ячейкѣ слабо отражались и я самъ, и разные окружавшіе насъ предметы.

У рта его помѣщались какія-то два щупальца. Но интереснѣе всего былъ его языкъ—длинный, гибкій и тонкій, какъ волосъ, покрытый нѣжнымъ пушкомъ. И чудовище то высовывало этотъ языкъ во всю длину, то опять прятало. Казалось, что оно облизывало его.

А все толстое круглое тѣло его было сплошь покрыто густыми длинными волосами. Даже ноги были волосатыя и только на концахъ ихъ торчали рѣдкіе шипы.

Разсмотрѣвши его внимательно, я забрался на большое полѣно, которое лежало

тутъ же, и взглянулъ оттуда на своего звѣря издали.

— Ага! Вотъ такъ звѣрь,—подумалъ я.— Это просто-на-просто шмель. Самый настоящій шмель! Вѣроятно, онъ залетѣлъ въ кухню на запахъ варенья, не нашелъ выхода и заночевалъ здѣсь. А когда ночью ему стало прохладно, онъ забрался поближе къ печкѣ.

Я спустился съ полѣна и опять довѣрчиво приблизился къ шмелю. Я зналъ, что онъ жалить, но подошелъ къ нему вплотную. Зачѣмъ онъ станетъ кусать меня, такого маленькаго? Вѣдь я ничѣмъ не могу испугать либо разсердить его. Его шерсть была такая мягкая да пушистая! Такъ и хотѣлось прижаться къ нему потѣснѣе. А прижавшись, я ухватился за шерсть и вспрыгнулъ шмелю на спину, гдѣ и легъ, точно на постели.

Шмелю это совсѣмъ не понравилось. Онъ заметался, запрыгалъ, замахалъ своими четырьмя крыльями и полетѣлъ.

Летѣть со мной ему было очень тяжело и потому онъ поднимался съ полу медленно и съ большимъ трудомъ. Летѣть же мнѣ, лежа на спинѣ шмеля, было чрезвычайно пріятно. Я лежалъ, запутавшись въ его шерсти, точно на возу сѣна. А шмель летѣлъ такъ тихо и такъ плавно, что я сначала совсѣмъ не замѣ-

тилъ этого. Только тогда, когда я увидалъ, что мы высоко поднялись отъ пола, мнѣ стало страшно: а вдругъ, я оборвусь и упаду!

Но летѣли мы не больше одной минуты. Шмель направлялся на свѣтъ къ окну. И поднявшись на подоконникъ, тотчасъ же сѣлъ на немъ отдыхать. Я же все лежалъ у него на спинѣ и ждалъ, что будетъ дальше.

Ожидать пришлось недолго. Шмель почувствовалъ свѣжій воздухъ, такъ какъ окно было закрыто не плотно, пошелъ къ рамѣ, пролѣзъ въ оставшуюся щель и взвился на воздухъ.

Это былъ моментъ, котораго я не забуду всю жизнь. (Рис. 2). Было жутко. Духъ захватывало. А сердце нило такъ сладко и такъ пріятно. Шутка ли сказать: я лечу по воздуху!

Но это былъ одинъ только моментъ. Подняться высоко шмелю не удалось вмѣстѣ со мной. Ему было тяжело и потому его тянуло книзу. Подъ окномъ у насъ былъ разбитъ цвѣтникъ и шмель опустилсѣ на первый попавшійся листъ георгины.

Осмотрѣвшись съ него, онъ увидѣлъ поблизости головку краснаго клевера въ полномъ цвѣту, перелетѣлъ на нее и сталъ жадно сосать сладкій сокъ изъ трубочекъ его цвѣтовъ. Видимо, за ночь онъ сильно проголодался.

Я зналъ хорошо этотъ сладкій сокъ. Мы

часто лакомились имъ,—обрывали цвѣтки и высасывали сокъ изъ нихъ. Шмель, оказывается, дѣлалъ тоже самое, но дѣлалъ это иначе. Его длинный и тонкій языкъ дѣйствовалъ какъ трубочка или соломинка. Онъ запускалъ его на самое дно цвѣтка и высасывалъ оттуда весь сокъ насухо. Затѣмъ его длинный языкъ быстро погружался въ новый цвѣтокъ и также быстро опустошалъ его.

Чтобы лучше разсмотрѣть, какъ это онъ дѣлаетъ, я слѣзъ съ него и усѣлся на головкѣ клевера. Это удалось мнѣ не сразу. Мои ноги провалились въ трубчатые цвѣты, точно въ штанишки, и я остался въ такомъ положеніи, не то стоя, не то сидя. Но когда я вытаскивалъ изъ цвѣтка ногу, она была совершенно суха. Очевидно, она не касалась меду, который былъ скрытъ на днѣ гораздо глубже. Его могъ доставать только одинъ шмель своимъ длиннымъ хоботомъ.

Мало-по-малу, шмель сталъ болѣе вялымъ. Онъ не такъ быстро дѣйствовалъ своимъ языкомъ и не такъ жадно сосалъ лакомый сокъ. Должно быть онъ хорошо насосался.

Я боялся, что онъ улетитъ безъ меня. Тогда бы мнѣ не удалось прослѣдить за нимъ далѣе. А потому я поспѣшилъ опять залѣзть